

Логика Маркса

Марксов метод *изложения* экономического анализа, который он неоднократно пояснял, предполагает движение от простейших понятий к более сложным. На первый взгляд, этот метод соответствует “здоровому смыслу” – от простого к сложному, – но Маркс разворачивает его таким образом, что он опровергает этот “здоровый смысл”. Последний искажает познание, начиная именно с тех элементарных частичек действительности, понимание которых требует *научной абстракции*. Оппортунизм всегда будет противопоставлять предрассудки “здорового смысла” методу партии-науки.

В предисловии к I тому “Капитала” Маркс пишет: «*Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть её в течение более чем 2000 лет, между тем как, с другой стороны, ему удался, по крайней мере приблизительно, анализ гораздо более содержательных и сложных форм. Почему так? Потому что развитое тело легче изучать, чем клеточку тела. К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции. Но товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества. Для непосвященного анализ её покажется просто мудрствованием вокруг мелочей. И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело, например, микроанатомия*»¹.

I том “Капитала”, за исключением «раздела о форме стоимости, [...] не представит трудностей для понимания»², добавляет Маркс.

Микроанатомия “клеточки” капитала – товара, расчленяемой скальпелем *научной абстракции*, обладает огромной силой. Это основа понимания тайн капитала. Мы окружены огромным количеством товаров всех форм и назначений. Потребительские товары, сырьё, энергия, потребляемая в домах, офисах и на заводах, – всё это является товаром, также как и средства производства, дома, промышленные склады, земля, транспортные средства, туристические поездки, медицинские процедуры. Капитализм предстаёт как бесконечная ярмарка товаров, которые постоянно модернизируются, обновляются и проникают во все сообщества на планете. Всем известно, что каждый товар отличается своей специфической полезностью, которая делает его *потребительной стоимостью*, и *ценой*. Цена говорит нам, что потребительная стоимость – это оболочка, ларец, в котором заключена *стоимость*. На рынке покупатель ищет определённую потребительную стоимость, а продавец заинтересован в реализации стоимости, характеризующей продаваемый им товар. Цена делает сопоставимыми самые разнородные товары. Например, цена позволяет сказать, что пара туфель стоит столько же, сколько две рубашки. И туфли, и рубашки являются продуктами *труда*. Стоимость выражает *количество труда*, содержащегося в каждом товаре, т. е. продолжительность *рабочего времени*, затраченного на его производство. Однако это не просто продолжительность какого-то рабочего времени, а *общественно необходимого рабочего времени*, т. е. рабочего времени, затрачиваемого в средних действительных социальных условиях, при среднем уровне квалификации и техники, производительности, договорных отношений. Маркс начинает свой анализ с маленьких шагов, прежде чем совершить большой скачок. Он останавливается на *труде*, чтобы выявить его связь со *стоимостью*. Товар несёт в себе два аспекта труда, который его произвёл: каждый товар представляет собой затраты *рабочей силы*, или *способности к труду*, которые мы называем *абстрактным трудом*, потому что этого требует любой вид производственной деятельности; существует также специфическая деятельность и навык этого труда, или *конкретный труд*, который придаёт форму и функциональность товару. *Конкретный труд* придаёт товару *потребительную стоимость*, *абстрактный труд* – *стоимость*.

Процесс, с помощью которого Маркс посредством научной абстракции разлагает товар на его самые глубокие внутренние связи, жизненно важен, поскольку он содержит решение *загадки капитала*. Когда в *сфере обращения* в известных исторических условиях встречаются капиталист – владелец *товара деньги* – и пролетарий – собственник своего единственного

товара рабочая сила, или способности к труду, то происходит обмен: капиталист покупает товар рабочая сила, платя за него по стоимости, складывающейся из стоимости жизненных средств, необходимых для производства и воспроизводства работника. Это обмен, который в сфере обращения вполне справедлив как обмен эквивалентных стоимостей.

Но именно в сфере производства выражается *потребительная стоимость* рабочей силы, иными словами, её способность – в данных исторических условиях развития производительных сил – отработать больше рабочего времени, чем необходимо для её собственного производства и воспроизводства. Таким образом, этот излишек придаёт товару, произведённому для капиталиста, *стоимость*, превышающую стоимость, уплаченную за эту рабочую силу, т. е. большую, чем заработная плата, выплаченная рабочему. Этот излишек рабочего времени, “подаренный” наёмным работником капиталисту, является источником дохода всех буржуазных фракций и источником всего накопленного богатства, какова бы ни была его форма. В этом и состояло открытие *прибавочной стоимости*.

В своём письме Энгельсу от 8 января 1868 г. Маркс подчёркивал “простоту” этого открытия: «[От] внимания всех экономистов без исключения ускользнула та простая вещь, что если товар представляет собой нечто двойственное, а именно: потребительную стоимость и меновую стоимость, то и воплощённый в товаре труд должен иметь двойственный характер, между тем как простой анализ, исходящий из труда *sans phrase*, как у Смита, Рикардо и т. д., всякий раз наталкивается на необъяснимые явления. В этом, действительно, и заключается вся тайна критического понимания вопроса»³.

Вывод о том, что стоимость как таковая «не имеет иного “вещества”, кроме самого труда», сделал уже Петти, и далее мы находим это «*вполне разработанное [определение] у Рикардо*»⁴. Однако концепция двойственного характера стоимости ещё не была применена к рабочей силе. Почему Маркс смог совершить этот простой, но грандиозный, скачок в своём исследовании капитала? Энгельс даёт столь же простой, сколь и глубокий ответ. Причина в том, что Маркс увидел за отношениями, которые классическая политическая экономия рассматривала как отношения между вещами, отношения между людьми и между классами: «[Политическая] экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счёте между классами, но эти отношения всегда связаны с вещами и проявляются как вещи. Эта связь, о которой в отдельных случаях лишь догадывался тот или другой экономист, впервые была раскрыта Марксом во всём её значении для всей политической экономии, и благодаря этому труднейшие вопросы он сделал такими простыми и ясными, что понять их смогут теперь даже буржуазные экономисты»⁵.

В нескольких местах “Экономической рукописи 1861–1863 годов” Маркс иллюстрирует присущую капиталистическому способу производства трансформацию общественных отношений в отношения между вещами. Это позволяет ему увидеть великую заслугу самого влиятельного экономиста буржуазии Давида Рикардо именно в признании последним этого овеществления, этой дегуманизации, произведённой системой буржуазных отношений. Маркс пишет в XVI тетради “Экономической рукописи”: «Рикардо как раз то, в чем его упрекали, а именно, что при рассмотрении капиталистического производства он, не думая о “людях”, о распределении, а потому и потреблении, обращает внимание только на развитие производительных сил, каких бы жертв оно ни стоило. Развитие производительных сил общественного труда есть историческая задача и оправдание капитала. Именно этим он бессознательно создаёт материальные условия более высокого способа производства»⁶.

Гуманизировать капиталистический способ производства будут не кто иной, как псевдосоциалисты Прудон, Сисмонди и их реформистские эпигоны. Коммунисты же хотят упразднить его, потому что он исчерпал свою историческую задачу.

Маркс начинает “Экономическую рукопись 1861–1863 годов” как раз с анализа денег, с трудного вопроса: «Как деньги становятся капиталом?»⁷. Выделим одну из сторон научного метода Маркса, а именно тщательный анализ всех сторон предмета исследования. Его инструменты – научная абстракция, логика и история; историческое наблюдение обычно следует за логическим изложением, “логический метод” предвосхищает “исторический метод”.

Энгельс замечает: «[Логический] метод в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобождённым от исторической формы и от мешающих случайностей»⁸.

Логика и история для Маркса не являются схоластикой. Антонио Лабриола называл потрясающие аналитические способности Маркса «обострением логики». Это не что иное, как исследование капиталистического способа производства, основанное на «науке логики», на диалектике, преобразованной и вооружённой материалистическим видением. История капиталистического общества понимается как *естественно-исторический процесс* и как *социальная практика антагонистических классов*. «Капитал» переполнен ссылками на историю классов; его исторические главы, такие как главы о первоначальном накоплении капитала, рабочем дне или о том, как наука применялась в промышленности, представляют собой живые картины общественной экономической формации, плоти и крови, покрывающих скелет, просвечиваемый рентгеном теории.

Систематическое использование логики «Капитала» – это вызов и упражнение для умов молодых людей, осаждённых туманом банальностей, натиском цифрового идиотизма, иррациональностью нарциссических демагогов-неучей и учёным невежеством плохих учителей. Логика Маркса учит терпению и любопытству, необходимым для понимания реального мира, и настоятельно требует их наличия.

Январь 2023 г.

¹ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 5–6.

² - Там же. С. 6.

³ - Там же. Т. 32. С. 9.

⁴ - Там же. Т. 29. С. 257.

⁵ - Там же. Т. 13. С. 498.

⁶ - Там же. Т. 48. С. 294. (эту же мысль К. Маркс повторил в третьем томе «Капитала», см. Т. 25. Ч. I. С. 284).

⁷ - Там же. Т. 47. С. 3.

⁸ - Там же. Т. 13. С. 497.